

Братчикова Софья Владимировна, студентка юридического института.

Вятский государственный университет, Россия, г. Киров

*Миннуллина Камила Айратовна, младший научный сотрудник,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса. Вятский
государственный университет, Россия, г. Киров*

ДЕМАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ИХ ОБЛАДАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: развития цифрового гражданского оборота, формирование новых, и трансформация традиционных институтов и правоотношений актуализируют проблемы частно-правового регулирования сферы цифровых объектов, основным пробелом которого остается порядок восстановления и защиты законных интересов. Включение объекта в систематику, изложенную в ст. 128 Гражданского Кодекса РФ, определяет возможность применения частно-правовых способов защиты. Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии действенного механизма защиты правообладателей цифровых активов, что обусловлено отсутствием специальных способов и невозможностью применения по аналогии норм, регулирующих сходные общественные отношения, что обусловлено неопределенностью их правового статуса. Правовая природа цифровых активов, с учетом специфики их выпуска, обосновывает позицию об абсолютном характере правоотношений, складывающихся в процессе их обращения. Указанное обуславливает вопрос о возможности и допустимости применения к цифровым активам, как дематериализованным объектам, фикции вещей и вещно-правовых способов защиты.

Ключевые слова: цифровое право, цифровой актив, объекты

гражданского права, цифровизация, цифровой рубль.

Abstract: the development of digital civil turnover, the formation of new and transformation of existing institutions and legal relations actualize the problems of private legal regulation of the sphere of digital assets, the main gap of which remains the order of restoration and protection of legitimate interests. Traditionally, the inclusion of an object in the taxonomy set out in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation determines the possibility of applying private-law methods of protection. The analysis of judicial practice indicates the absence of an effective mechanism for protecting the copyright holders of digital assets, which is due to the lack of special methods and the impossibility of applying by analogy the norms governing similar public relations, which is due to the uncertainty of their legal status. The legal nature of digital assets, taking into account the specifics of their release, justifies the position on the absolute nature of legal relations that develop in the process of their circulation. This leads to the question of the possibility and permissibility of applying to digital assets, as dematerialized objects, the fiction of things and proprietary legal methods of protection.

Key words: digital law, digital asset, objects of civil law, digitalization, digital ruble.

Динамика и перспективы цифровизации различных сторон общественных отношений обуславливают возникновение новых экономических инструментов и трансформацию традиционных институтов. Не отрицая преимуществ развития цифрового гражданского оборота, формирование концептуальных основ его правового регулирования, а также правовые риски, детерминированные данным процессом, остаются актуальными проблемами. С позиции частного права, с учетом его охранительной функции, ключевым вопросом выступает порядок защиты и восстановления нарушенных прав и интересов обладателей цифровых объектов.

Принятие специального законодательного акта в сфере регулирования

цифровых активов [1], частично исключаящее понятийную неопределенность, вместе с тем, не разрешило проблему защиты интересов их владельцев. Многообразие цифровых объектов и отсутствие единого легального и доктринального подхода к их правовому статусу, понимание их в качестве имущественного права, иного имущества, информации обуславливает проблематику применения гражданско-правовых способов защиты. Позиция судов, отмечающих отсутствие в ст. 12 Гражданского кодекса РФ такого способа защиты как обязанность обеспечить возврат криптовалюты, определяющая недопустимость судебной защиты представляется достаточно спорной. Вместе с тем, судами справедливо отмечается, что недостатки дефиниции и неопределенность правового статуса данных объектов в действующем законодательстве предопределяет невозможность применения по аналогии нормы, регулирующие сходные правоотношения [2].

Традиционно включение объекта в систематику, изложенную в ст. 128 Гражданского Кодекса РФ, определяет возможность применения частно-правовых способов защиты нарушенных прав. Несмотря на недостатки системы гражданско-правовых объектов, широкое распространение получила позиция, об отсутствии необходимости изменения данной нормы в условиях процессов цифровизации [3], учитывая, что система объектов включает категорию «иное имущество». Несмотря на недопустимость использования цифровых активов в качестве средства оплаты, изъятыми из оборота они не являются, а, соответственно, выступают объектом гражданского права.

Имущество, исходя из положений ст. 128 ГК РФ, бывает телесным (вещи, наличные деньги и документарные ценные бумаги) и бестелесным. Данная дифференциация предполагает разграничение способов защиты объектов, признаваемых вещами и объектов, которые таковыми не являются, в частности, имущественных прав, к которым названной нормой отнесены дематериализованные объекты: бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства. Вещные правоотношения характеризуются абсолютностью, что предполагает их защиту от посягательств любых лиц,

имущественные права имеют относительную природу. Соответственно, систематика объектов гражданского права с учетом критерия их осязаемости и материального воплощения объекта обуславливают особенности их правового режима, применение к вещам, как объектам материального мира – норм вещного права, к имущественным правам – норм обязательственного права. Специфика правового режима вещей и имущественных прав не ограничивается применяемыми способами защиты. Гражданское законодательство устанавливает, что объектом отдельных сделок, в частности предусматривающих передачу имущества в собственность, владение, пользование, могут быть только вещи или отдельные виды вещей. Указанная классификация объектов обуславливает различия их регулирования и в иных сферах, так Конституционный суд при проверке норм уголовно-процессуального кодекса отметил, что различиями в природе вещей и иного имущества (в частности, безналичных денежных средств) «предопределяются различия в правовом регулировании отношений по поводу таких материальных объектов гражданских прав, как вещи, и отношений, связанных с оборотом таких имеющих нематериальный характер объектов гражданских прав, как безналичные денежные средства» [4].

Указанное предопределило ряд правовых проблем, связанных с защитой правообладателей дематериализованных объектов, обусловленных невозможностью использования норм вещного права и, в частности, вещно-правовых способов защиты. Преимущества применения вещно-правовых способов защиты к нематериальным объектам приводят к дискуссии о недостатках классической концепции вещной формы, то есть телесности вещей, имеющих физическую природу и пространственные границы. Фикция распространения на дематериализованные объекты режима вещей влечет явные преимущества в контексте защиты прав субъектов и установления правовой определенности. Методологической основой данного подхода является отсутствие в Гражданском Кодексе РФ требования к наличию четких пространственных границ объекта для признания его вещью, что обуславливает

возможность подведения под вещно-правовое регулирование чего-то бестелесного, и в целом относящегося к совершенно иным сферам правового регулирования, как, например, это происходит в отношении электрической энергии или машинно-мест.

Одним из объектов, получивших широкое распространение в гражданском обороте, в отношении которого законодатель разграничивает режим правовой защиты в зависимости от наличия материальной формы выступают ценные бумаги. Положения анализируемой ст. 128 Гражданского кодекса, как было отмечено, относят документарные ценные бумаги к вещам, бездокументарные к имущественным правам. Вместе с тем, преимущества применения вещно-правовых способов защиты обусловило возникновение института, который в доктрине получил название квазивиндикационных исков [5]. Впоследствии легально были закреплены нормы, предусматривающие специальные способы защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, в частности, устанавливающие процедуру и последствия их истребования у третьих лиц (ст. 149.3-149.4 ГК РФ). Важным аспектом в контексте защиты правообладателей является порядок и особенности осуществления учетных записей, удостоверяющих права по бездокументарным ценным бумагам.

Гражданское законодательство предусматривает возможность применения вещно-правовых способов защиты не только вещным, но и обязательственным правам, если в силу закона или договора лицу предоставлено право владения. В отсутствие легальной дефиниции владения, в доктрине данная категория определяется как фактическое господство над вещью, что предполагает элементы телесности и физической принадлежности лицу [6, с. 56]. Указанное в свою очередь порождает вопрос о возможности владения цифровым, нематериальным объектом. Если правомочие владения входит в состав права собственности, оно понимается как субъективное право, которая обеспечивается закреплением объекта за лицом, без какой-либо связи с телесными качествами объекта.

Цифровые права поименованы в системе объектов гражданского права в числе имущества, не обладающего признаками вещей, наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. Однако спецификой цифровых прав выступает отсутствие у владельца права требования к третьим лицам, что в свою очередь определяет дискуссию о возможности признания их в качестве имущественных прав.

В этом контексте важно отметить ключевое отличие цифровых активов от цифрового рубля, введение которого в имущественный оборот сопровождается внесением изменений в ст. 128 Гражданского кодекса РФ. Законопроект предусматривает отнесение цифрового рубля к числу имущественных прав, наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. Об обязательственной природе цифрового рубля свидетельствует также закрепление нового договорного вида - договора цифрового счета (кошелька). Согласно предлагаемому изменению, цифровой рубль признается в качестве денег, средством платежа наряду с наличными и безналичными денежными средствами, о чем свидетельствуют поправки в ст. 140 ГК РФ [7].

Вопрос о возможности признания в качестве денег цифровых активов является неоднозначным. Примечательно, что сами деньги не включены в систему основных (родовых) объектов, закрепленных в ст. 128 ГК РФ. Система объектов гражданского права включает наличные деньги, которые признаются вещами, и безналичные денежные средства, которые, соответственно признаются имущественными правами наряду с бездокументарными ценными бумагами. Однако специфика выпуска цифровых активов и их обращения определяет невозможность признания их в качестве денег, в том числе выраженных в цифровом коде, которым является цифровой рубль.

Толкование ст. 141.1 обосновывают позицию, что категория цифровых прав не является самостоятельным объектом, новым видом имущественных прав, которыми обозначаются обязательственные, исключительные права, а выступает способом фиксации права в информационной системе [8]. Положения данной статьи также устанавливают, что обладателем цифрового

права признается лицо, имеющее возможность распоряжения, что отличает их от иных дематериализованных объектов имущественного оборота, учитывая, отсутствие правил учета прав и централизованного реестра правообладателей. Установление принадлежности цифровых объектов конкретным субъектам является проблемным, что значительно затрудняет применение кондикционного иска для защиты нарушенных прав. Обладателем цифровых прав признается лицо, имеющее право распоряжения. Именно сложность установления и доказывания принадлежности и перехода прав на цифровые объекты является одним из ключевых проблемных аспектов при применении кондикционного иска для защиты нарушенных прав [9].

Специфика правоотношений, связанных с оборотом цифровых активов, заключающаяся в способе их возникновения определяет позицию об абсолютном характере прав на данный объект [10, с. 49]. Позиция о вещно-правовой природе прав владельцев криптокошелька находит отражение и в судебной практике, что базируется на схожем характере данных прав с правомочиями собственника [11]. Вместе с тем, перечень абсолютных прав является закрытым и не подлежит расширительному толкованию, в связи с чем установление режима абсолютных прав на цифровые активы требует разработку специального нормативного регулирования, аналогично режиму бездокументарных ценных бумаг, описанному ранее.

В правовом регулировании любых общественных отношений существенная роль отводится механизмам и гарантиям восстановления нарушенных прав и законных интересов, который остается ключевым пробелом. Вместе с тем, стоит отметить, что сам вопрос о допустимости защиты прав и интересов владельцев цифровых активов и, в частности, криптовалюты является достаточно неоднозначным, что следует из алеаторного характера сделок на криптобирже и волатильности данного актива. Традиционной является позиция о недопустимости судебной защиты требований, связанных с участием в алеаторных сделках. Глава 58 Гражданского кодекса РФ также устанавливает из данного правила исключения

– сделки на фондовых биржах, что, однако, распространяется на сделки, стороной которых является юридическое лицо, имеющее соответствующую лицензию, что не является характерным для криптобирж. И вместе с тем, подход судов, основанный на отсутствии обязанности обеспечить возврат криптовалюты как способа защиты нельзя признать достаточно обоснованным для отказа в защите прав. А применение по аналогии норм, регулирующих сходные общественные отношения, требует формирования устойчивой и единообразной как доктринальной, так и легально оформленной позиции о правовой природе данного объекта.

Библиографический список:

1. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 №9АП-76537/2019 по делу № А40-164942/19 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7528.

4. Бальбат П.Н., Пашенко Е.Ю. Влияние цифровизации на систему объектов гражданских прав // Образование и право. 2022. №7. С. 90-93.

5. Степанов Д.И. Вопросы теории и практики эмиссионных ценных бумаг // Хозяйство и право. 2002. № 3. С. 64-80.

6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 2020. — 351 с.

7. Законопроект № 270852-8 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество».

8. Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., Авакян Е., Савельев А., Судец И., Чубурков А., Соколов А., Янковский Р., Сарбаш С. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16–30.

9. Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2020 № 305-ЭС20-12165 по делу № А40-164942/2019.

10. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущества» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №4. С. 43-77.

11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП16416/2018 по делу № А40-124668/2017.